

Аркадий Арсёнов

Пришельцы

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Аркадий Арсёнов

Пришельцы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Арсёнов А.

Пришельцы / А. Арсёнов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Все фантазии об иных мирах — это вовсе не игра воображения. Это подсознательное восприятие реальности. Недостаточно сказать, что каждый из нас воспринимает мир по-разному, нет! Мы просто живём в разных мирах. Наши миры параллельны, они соприкасаются, иногда взаимно проникают, но очень сложно найти мир, родственный твоему собственному. Этюд с натуры. Содержит нецензурную брань.

– Привет, мой дорогой! Что это, ты встречаешь нас закрытой калиткой? – с нотками утомленного сарказма в голосе сказал я, проходя во двор.

– Да замотался... – буркнул Николай, как обычно, нечленораздельно. Он стоял полу-боком, покосившись одним плечом вверх, лицо подергивалось в страдальчески затравленной гримасе, как будто, он вовсе никого не ждал и его застали врасплох за тем, что он закапывал в саду труп убитого тестя.

Трудно сказать, как он выглядел.

Приходя в гости к владельцу собственного дома, вы обычно ожидаете увидеть радушного добряка-хозяина, одетого, как-то по-домашнему, уютно.

Только длительное знакомство сдержало меня от того, чтобы не отшатнуться от Николая, когда он полез в приветственные объятия. Руки и лицо его были перепачканы не то землей, не то пылью, на рукавах паутина и древесная труха, штаны были словно жертвой пробежки на коленях по пересеченной местности, а потянутая и рваная, когда-то спортивная кофта, скорее походила на подобранное где-то на мусорнике одеяние, от которого избавился бомж.

– Привет, друг мой, – хмыкнул Николай с нервическим смешком, передающим всю сложность и нелепость его положения, хотя вряд ли он сам вкладывал это значение в свое смехоподобное хрюканье.

– Привет, Светочка! – приветливо кивнул он моей жене. – Проходите, только на площадке ещё ничего не готово. Я сейчас принесу раскладной стол.

Мы прошли по бетонной дорожке вдоль дома, обогнули его и вышли на задний двор, где притаилось сооружение, именуемое хозяевами «летней беседкой».

В центре этой летней зоны отдыха возвышалось огромное ореховое дерево. Никто никогда не заботился о его эстетическом развитии, то есть не формировал крону и даже с трудом представлял, что это нужно делать, и потому, крона его была чрезвычайно огромна и раскидиста, что возмутительным образом напрягло корневую систему так, что дерево наклонилось, и угол наклона был достаточно критичным, крона почти ложилась на крышу дома, и у каждого здравомыслящего человека возникала паника от мысли, что малейшие прихоти стихии могут повалить дерево и оно непременно разрушит половину дома. Но хозяев это нисколько не беспокоило, трудно сказать по каким причинам...

Вокруг дерева в землю была вмята тротуарная плитка, образующая прямоугольную площадку с неровной поверхностью: два на четыре метра. С двух сторон, левой и тыльной, площадка имела подобие стен из, где-то героически украденных, древних оконных ставень. По фронту и справа площадку окаймлял самодельный штакетник.

На сварной конструкции из уголка держалась незатейливая кровля этого самобытного сооружения, накрытая потрескавшимся шифером. Естественно, что кровля, как и площадка, обнимала со всех сторон огромный ствол орехового дерева, со всеми вытекающими из данного проектного решения обстоятельствами и, разумеется, ощущениями тех, кто находился в этой беседке во время дождя или ветра.

Беседку от задней стены дома отделяло не более двух метров, которые были организованы в подобие садовой дорожки из также косо вмятой в землю тротуарной плитки. Этот проход между домом и беседкой упирался в старательно захламлённые сараи, где были свалены дрова для мангала и всё то, что, по представлениям Николая, могло пригодиться в хозяйстве, то есть всякая мусорная дрянь, возбуждающая у непосвященного человека недоумение и брезгливость.

В беседку от дома была подведена вода, и слева, в углу, стояла мойка, рядом кухонный стол, над которым висел шкаф для посуды. По центру задней стены возвышался комод 30-х годов XX века, который был особой гордостью хозяйки дома, с пулеметной категоричностью повествующей о том, как она раздобыла его у знакомых, которые хотели совершить преступление, уничтожив это сокровище, порубив его на дрова.

Слева от дерева, которое, как уже говорилось, было центром беседки, в летнее время устанавливался обеденный стол, а справа – журнальный столик и два креслообразных стула, образца садовой мебели советских времен.

Функционировала эта рекреационная зона только в теплое время года, кофе – заснеженным утром или барбекю – солнечным морозным зимним днём, – не практиковались и преследовались хозяйкой дома как инакомыслие.

Сейчас был март, но погода, на удивление, радовала ранним теплом. Третьего дня весеннее солнце было столь изумительно ласковым, а воздух так соблазнительно пронизан бодрящей весенней свежестью, что возникло желание встретиться на летней площадке, знаменуя её раннее открытие. Мы оперативно купили мясо и отправили его в маринад, заготовили бутылочку виски, но наступивший день принес разительный погодный контраст: утро приветствовало нас снежным покровом. К счастью, отступить мы не стали.

На проходе между домом и беседкой Николай установил переносной металлический мангал и уже соорудил в нем горку из дров. Вскоре он, натужно кряхтя, появился с плоским большим чемоданом, который путем нехитрых манипуляций превратился в шаткий раскладной стол, где вскоре возникли шампура и судочек с замаринованным мясом.

Замысел состоял в том, чтобы мы приехали пораньше, до возвращения Галины, хозяйки дома, с работы и предприняли все меры к тому, чтобы к её появлению шашлык был бы уже готов.

Дрова весело затрещали в мангале, из принесенных нами колоночек полилась музыка любимых плейлистов смартфона, и промозглая сырость дня отступила перед хорошим настроением.

Придомовой земельный участок был порядка шести соток, большая часть которых была отдана «культурному» возделыванию малины.

В целом, огородное хозяйство велось изумительно бездарно, что было естественным следствием огородного рабства Николая, в одно лицо упражнявшегося там вперемешку с посменной работой на заводе и всяческим ворохом иных хозяйственных забот, чему нужно уделить отдельное внимание, но позже.

Пока на жарких углях дозревал шашлык, источая ошеломительно дурманящий запах, Николай вскочил в свою «шестерку» и понёсся забирать Галю с работы, что также было его обязанностью, если он был не в смене.

Вскоре стукнула калитка и Галина с наделанной веселостью неестественно учащенно замахала нам рукой, что должно было донести до нас мысль о её неопишемом восторге от перспективы хорошо покушать, хотя сам этот процесс она именовала гораздо более грубым выражением.

Галочка, как подобострастно величал свою жену Николай, была особой авторитарной в вопросах семейной жизни и главным жизненным авторитетом для своего мужа. Она всегда и во всём знала истину и совершенно безапелляционно сообщала её мужу, подчеркивая непременно, что она в этом разбирается и никаких иных мнений не приемлет.

Её публичная жизнь вне собственного дома была разительным контрастом, поскольку являла миру серую малозначительную мышку с вечно перепуганным взглядом и сбивающейся речью. Но к её выгоде, муж не мог созерцать свою жену в общественной жизни и потому составлял представление о ней на основании её же собственных рассказов, из которых вздымалась грандиозная фигура героини труда, на чьих хрупких плечах покоилось благополучие той сферы, которую она облагодетельствовала своим деловым присутствием.

Тех гигантских усилий, которые она возносила ежедневно на алтарь общественного благополучия, было, с её точки зрения, совершенно достаточно для того, чтобы она могла освободить себя от всех домашних забот и, более того, требовать ежеминутного сострадания со стороны мужа. Являясь домой, она валилась с ног от усталости и, картинно закатывая глаза,

сетовала на толпы дураков, которые донимали её на работе своей глупостью и непрофессионализмом. Широкими масками она набрасывала картину своей незаменимости в решении сложнейших проблем простых рабочих будней. И изумленный Николай не уставал восклицать: «Мама дорогая!» – что являлось в его лексиконе крайним выражением чувств.

Наконец материализовался Николай. Он переоделся. Одежка из секонд-хенда: футболка и штаны, первоначальный облик которых трудно было опознать из-за усталости от их использования. Но это, всё-таки, было лучше, чем первоначальный наряд. И лицо его заметно разгладилось и озарилось улыбкой. Возникло ощущение, что это либо другой человек, либо биоробот, которому переключили программу.

– Ну что, понесли мясо к столу?! – подмигнул он.

В свои 54 года Николай практически облысел, остатки седых волос окаймляли лысую макушку как жерло затухшего вулкана. Его усы стали также совершенно седыми и уже не топорщились как прежде, будто у резвого таракана, готового к любым радостям жизни.

«Ты бы подкрасил усы, – предложил как-то я ему, – уж больно они у тебя седые, они тебя старят!»

«Да ты что! – возмутился он. – Зачем мне их красить?! Это уже старость».

«Ты в своём уме? Какая старость в твои то годы? Живи и радуйся жизни!»

Но он только раздраженно отмахнулся:

«Не говори глупости!»

Его фигура, незаметно утратившая мужскую стройность, оставалась крепкой, но выделялась выпуклым животом. Физические нагрузки ещё удерживали живот от обвислости и, по мнению Николая, он гордо выпирал, как колесо, из-под груди.

Мы вошли в дом. В передней было темно и затхло. Насыщенный смрад от кошек, собаки, объедков и долгого отсутствия качественной влажной уборки делало пребывание в этой комнате вдохновляющим в плане работы над собой по укреплению самодисциплины в стремлении к чистоте. Пол был грязным. Разуваться не хотелось. Николай бросил мне какие-то пластиковые тапочки, имевшие такой вид, будто в них, много лет убирали свинарник. Видимо заметив мой взгляд на этот стильный аксессуар домашнего обихода, он торопливо сказал:

– Подожди, на – вот эти, – и поставил передо мной достаточно приличные велюровые тапочки. Откуда он их извлек, я не смог заметить.

Из передней прямо вела дверь в коридор, куда сходились все комнаты дома, направо – дверь в кухню, налево – дверь в летнюю гостиную. Дверь в кухню была раскрыта и там царило какое-то запустение.

– А что это за осадное положение у вас на кухне? – спросил я.

– Так я же плитку начал ложить, – ответил Николай со вздохом. Трудно было понять, что он делал в темноте передней, видимо боролся с какой-то только ему зримой стихией домашней среды. Наконец, он выпрямился:

– Смотри, – кивком он пригласил меня войти и, наверное, оценить его старания. – Вот уже как месяц ложу в свободное время.

Задняя стена кухни была выложена серой кафельной прямоугольной плиткой. Слева – стена с окнами была сделана наполовину. Верхний ряд, особо просматривавшийся, почему-то был выложен из резанной плитки. Ряды плитки были кривовато косоватыми, швы гуляли и зияли пустотами.

– Ещё месяца два, чтобы закончить, – грустно сообщил он мне. – Очень неудобно, стены неровные, плитку нужно резать.

– А зачем этот мартышкин труд? – не сдержался я, хотя прекрасно знал, что натуральное хозяйство было его жизненным устоем и особой гордостью. – Я бы лучше нанял специалистов, и они бы сделали всю работу в два дня.

Николай резко нагнул голову и поднял руки будто стараясь закрыться от наступающей на него ереси:

– Да это же заплатить им надо столько же, сколько плитка стоит!

– Ну и что? Но ведь это будет красиво, качественно и быстро, – попытался я аргументировать.

– Та ну! Я тоже могу! Пусть это мне выйдет по времени, но не могу же я платить такие деньги! – парировал он.

– А не боишься, что отвалится? – пристально глядя на его ужимки, спросил я.

– Нет, не отвалится, – категорично отрезал Николай.

«Да ну! Это какой-то неравноправный разговор», – подумал я, взирая на уклоняющегося от визуального контакта со мной Николая.

Действительно, что может сказать о расходовании денег персонаж, который лишен возможности распоряжаться тем, что он зарабатывает.

Мне вспомнилось, как прошлым летом, мы на выходные ездили на хутор Стожок к Азовскому морю. Чарующий шарм этого места грел душу милыми картинками спокойного отдыха в практически деревенской нирване. Хутор у моря. Простые удовольствия. Уютный деревенский рынок по утрам. Моя Света – искрящаяся радостью от соприкосновения с таким, почти виртуальным, волшебством реальности. Галя, с азартом дельца, расхаживающая по рынку и демонстрирующая всем своим видом, что ни в чём не намерена себе отказывать. И Николай, у которого не оказывается денег на бутылку пива... Воспоминание это пришло на ум, видимо, в силу своей свежести, поскольку с того времени мы общались кулуарно, за столом, и не выходили на оперативный простор, где бы он мог наглядно столкнуться со своей мужской беспомощностью и ущемленностью в правах. И потому, когда он начинал говорить о том, на что он может или не может направить свои денежные ресурсы, возникало ощущение, что он фантазирует, представляя себя полностью дееспособным. Видимо, он просто путал роли, забывая с кем он говорит. Надо полагать, в своём цеху, где он проработал всю свою жизнь, начиная с помощника машиниста тепловоза и дослужившись до дежурного по депо, он, в среде грубых работяг, рисовал себя эдаким самоуправным господином своей жизни и семьи.

– Вы видели-видели, как выросла моя Альба?! – затараторила Галя, едва мы вошли в гостиную. Она высоко поднимала брови и стучала ладонями с растопыренными пальцами.

– Да, она такая взрослая и забавная, на мишку похожа, – участливо ответила Света.

А я еле сдержал себя от вопроса: почему «моя Альба»? – если о собаке заботится Николай. Впрочем, подобные фигуры речи были совершенно обыденны для Галины, она даже в отношении своей дочери и зятя постоянно говорила «мои дети». Это резало слух. Почему не «наша дочь», «наша дочь с мужем», «наша дочь с зятем»? Каким волшебным превращением муж её дочери стал её ребенком? Но Галя была убеждена: всё, к чему она имеет хоть какое-нибудь отношение, – её. И это своё обладание столь обширной собственностью она не делила ни с кем, тем более с мужем.

– Вот, снег сошел, и Николай уже который день убирается в саду и на огороде, за зиму Альба здесь так похозяйничала! Всю малину переломала, мусор всякий понатягала, загадила, где смогла. А Колюнчик теперь вычищает, – защебетала Галя. – Ну ничего, главное – моя девочка такая умненькая!

«Думаю, умная собака не стала бы гадить по всей территории», – мысленно возразил я.

– Ну, давайте уже выпьем! – с нетерпением выдохнула Галя. – Наливай, Колюнчик!

Фраза «наливай» была культовой для Гали. Она пила немерено много и ещё больше потребляла пищи, и не стеснялась признавать, что видит в этом единственную радость в жизни. Свои изобильные возлияния и трапезы она непременно приправляла обоймой всевозможных

таблеток для улучшения пищеварения и работы печени. И это, по всей вероятности, работало. В её 53 года, Галю нельзя было назвать толстой. Она была умеренно безобразного телосложения, низкорослой коротконожкой с грудью шестого размера. Слегка длиннее, чем а-ля мальчик, непромытые, взлохмаченные волосы на маленькой голове, вертящейся на короткой, плохо промытой шее. Неправильные заурядные черты лица были чрезвычайно подвижны и, в неформальной обстановке, скатывались к гротескному гримасничанью. Макияжем она себе не докучала. Из всего обширного женского арсенала средств красоты выборочно использовала мыло и воду, и губную помаду. Всё остальное она считала не заслуживающим внимания, времени и денег. Видимо, она была убеждена в своей природной красоте и каких-то чарах, которые представляют её красавицей в глазах Николая. И с этим нельзя было не согласиться, глядя как Николай умильно лопочет: «Ой, ты мой Галчонок!» Как-то на 8 Марта мы подарили ей французские духи и набор крема для лица – дневной и ночной, но она лишь презрительно фыркнула на этот подарок: «Вы же знаете, что это мне не интересно». Испытывая прилив дружеской нежности, мы забыли, что никогда не следует поступать с другими так, как вы хотели бы, чтобы поступали с вами, – поступайте с ними так, как нужно им. Галке нужно было поесть и выпить, выпить и поесть.

Николай замешкался:

– Что будем пить? – спросил он с какой-то детской интонацией. – Нашу домашнюю? – он имел в виду самогон, который он регулярно производил и настаивал на разных фруктах, ягодах и травах.

– Зачем же? Мы принесли виски. Ты же не против вискарика?

– Давай! – с улыбкой согласился он, начал разливать виски и внезапно продолжил с чувством: – Вот... это... спасибо тебе большое, если бы не ты, я бы никогда и не попробовал таких напитков!

Я постарался проигнорировать его благодарственную тираду, поскольку она меня вводила в полный ступор: «Отчего же ты, мой небедный друг, не можешь позволить себе хорошие спиртные напитки?» Неразрешимость этой загадки могла испортить настроение и потому, лучше было дистанцироваться от спонтанных заявлений Николая.

После третьей рюмки стала складываться обстановка, благоприятная для пустой болтовни. В этот ключевой момент главным было выбрать тему, которая бы не напрягала Галю. Говорить о работе она никогда не хотела, её в данной теме не устраивали мы, как собеседники. Учитывая одну профессиональную направленность и наши руководящие позиции, она не желала подвергать Николая разлагающему влиянию чужих суждений в отношении происходящего у неё на работе. Николай был зомбированным читателем её «авторской монографии», и она остерегалась, что фэнтези-мир, искусно ею созданный, может быть подвергнут тайфуннообразным разрушениям от нашего грубого вмешательства, и тогда ей придется усложнять себе жизнь переписыванием целых страниц и глав, чтобы привести Николая в гармонию с тем миром её профессиональной деятельности, к которому он привык. Наиболее безопасной была тема проведенного или планируемого отдыха, или сплетен, витающих в обществе, если, разумеется, они не касались персонажей, связанных с её работой. Но уж слишком велико было искушение прояснить одну пикантную новость, и Света, с милой непринужденностью, пошла в наступление:

– Представляешь, Галя, нам, не далее, как позавчера, рассказали такую интригующую историю о нашем общем знакомом Володе Алёхине, что мы до сих пор в растерянных чувствах: неужели это правда?!

Галя заметно помрачнела и старательно налегая на закуски, сведя брови к переносице и угнув голову, буркнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.